

Из цикла «Рассказы о чудесном»

Сердце солдата

Художник вернулся с войны с медалями. Их было две – круглые, из непонятного металла – скорее всего, это была бронза, - с крестом посередине, выбеленным, они касались друг друга и геройски звякали. Там, на войне, медали надевать запрещалось. Так же, как запрещалось надевать любые знаки отличия – погоны, лычки, нашивки... Условие секретности сообщало дополнительную ценность наградам. Медали вручали торжественно, перед строем – а потом изымали и хранили вместе с документами в специальном месте. И потому все помнили – кому и за что вручались награды. Художник получил две медали – за оборону города, название которого он помнил, но никогда в нем не был, и «За боевые заслуги», которые у него, конечно, были.

Художник вернулся с войны, где он провел почти год, и стал еще знаменитее, чем раньше.

- Ну, как там, на войне? Страшно? - спрашивали его товарищи по цеху.

- Да как... на войне как на войне, - отвечал он и улыбался – сдержанно и мужественно. Как от него ждали.

- Как же ты решился? Могли же убить... - выпытывали подруги.

- Ну... за братьев наших, славян... - играл он желваками, и подруги любили его еще больше.

Его звали на телевидение – поделиться, но он отказывался.

- Не мастер я разговорного жанра. Я все больше кистью...

От него ждали новых работ – на военную, конечно, на патриотическую тему.

Руководитель творческого союза прямо брал быка за рога.

- Говори, когда планируем выставку? Вот у меня график – говори, когда готов, я подвину любого, кто в плане. Твоя тема важнее любой другой, на пике!

- Да нет у меня никакой темы! Не написал я пока ничего. А может, и не напишу...

- Как так? – кипятился в трубку руководитель союза. – Ты что – с собой ничего оттуда не привез? Что ж ты там целый год почти делал?!

- Воевал, знаешь...

Ему не хотелось писать войну. Он ушел туда добровольно, по зову сердца, по убеждениям, и убеждения эти не изменились. Война не погасила в его груди патриотический огонь.

Но он не хотел делиться тем, что видел. Он слишком много видел. Он был художник-реалист, и война для него стала сплошным пленэром, очень щедрым на смену пейзажей и сюжетов, характеров и портретов. Этого пленэра ему теперь хватит до конца жизни, такая палитра – дай Бог каждому. Но он пока не был готов рассказывать – по крайней мере, рассказывать широко, как он умел, эпически, с размахом.

От него отстали, и он вздохнул. Он хотел писать то, что писал всю свою творческую жизнь, с самой художественной школы: пейзажи, натюрморты, увядание природы и ее пробуждение, живые цветы, деревья, людей и животных в пейзаже – вот это он хотел писать. И умел, он был одним из лучших пейзажистов не только в большом городе, но, пожалуй, в стране. Его картины занимали достойные места в лучших галереях и музеях, их с удовольствием покупали настоящие ценители искусства.

Он поехал писать натуру. Стоял апрель, солнечный, многообещающий. Каждая веточка на дереве, каждая почка на веточке – все дышало будущим, радостью ожидания, счастьем жить. Он установил этюдник, разложил краски, начал работать жадно. Он соскучился по работе. И все пошло хорошо. И в этот, и в последующие дни. Он написал

несколько этюдов, часть решил превратить в большие живописные полотна, другие ему казались вполне самостоятельными работами, чуть доделать – и можно показывать и продавать. Он работал самозабвенно, забывая – какой день в календаре.

Однажды к нему в мастерскую, на последний этаж высокого дома, пришел приятель. Тоже художник, они учились живописи у одного мастера. Приятель разменял свой талант мастера портрета на кич, его работы охотно и дорого покупались, а он так же охотно и откровенно посмеивался над вкусами покупателей. Ясности и точности суждений, однако, он не утратил. Художник показал ему свои новые работы.

- Что скажешь?

Приятель долго молчал. Потом спросил:

- Ты же не хотел рисовать войну?

Художник удивился.

- При чем же здесь война?

- У тебя в этих пейзажах – война. Мертвое все. Погибло – и никогда не оживет...

Они поссорились. Художник попросил приятеля больше к нему не приходите.

Оставшись один, долго еще кипятился: «Надо же – война!.. Весной все дышит, жизнью, а он – «погибло, не оживет»...» Он вышел на балкон, широко распахнул дверь – пусть в мастерскую войдет весенний воздух!

Над городом висело чистое, отмытое от зимы, небо, светило солнце, стаями носились и орали обалдевшие от счастья воробьи. Жизнь разворачивалась во всей нарядной новизне. На противоположной стороне улицы, как раз напротив балкона, около здания института два парня прямо на асфальте устанавливали аппаратуру: на раскладной табуретке стоял ноутбук, к нему цеплялись пара колонок и микрофон. Туда же тянулся шнур от акустической гитары. Барды. Один встал перед микрофоном, проверил гитару, начал петь. Второй со шляпой в протянутой руке стал приставать к прохожим. Звук был чистым, голос на удивление приятным, слова песни какие-то странные. Но главное – песня была про художника. Он невольно стал слушать.

«Он рисовал солдата¹,
Просвеченного рентгеном.
Солдат был как все люди,
Такой же, как я и ты.
Он выводил тушью
Кости солдата, вены,
Почки солдата, печень,
Легкие и т. д.»

Песня звучала простенько, даже слишком, в стихах не было рифмы, в мелодии не слышалось особой музыки. Художник даже хотел уйти, но что-то заставило остаться и дослушать. Бард рассказывал о том, как, рисуя тушью солдата, неведомый рисовальщик почему-то главный орган – сердце – нарисовал простым карандашом.

«Этот вопрос любой бы
Задал на нашем месте:
«Зачем ты рисуешь сердце
Не тушью – карандашом?»
И он ответил с заминкой,
По сторонам глядя:
«Чтобы стереть резинкой,
Если придет война!..»

Художник вздрогнул. Какая странная песня... Он с неприязнью посмотрел вниз, на исполнителя. Вокруг того уже собралась кучка студентов, аплодировали. Художник почувствовал прохладу, поежился, вернулся в мастерскую. Что-то сдвинулось внутри, стало почему-то не по себе. «Неприятная песня...» - подумал он снова. Ну да ладно, пора к станку. Он подошел к мольберту, взял краску на кисть, взглянул на полотно – и замер. С картины, которую он начал писать по самым свежим, самым весенним впечатлениям, на него смотрела мертвая природа. Он не знал – почему мертвая, все было, как живое. Но все было – мертвое. Мертвые цветы, умершие деревья, неживые птицы... «Погибло – и никогда не оживет...»

Он рванулся на лестницу, сбежал с седьмого этажа, выскочил на улицу, растолкал студентов.

- Слушай, друг, - задыхаясь, обратился он к парню с гитарой, - ты сейчас песню пел про художника, который солдата рисовал...

- Ну да, пел. И что?

- Да нет, ничего... А чья песня?

Парень пожал плечами.

- Вот не знаю я автора.

- Мы не знаем, - подтвердил второй, со шляпой, - в записи услышали, понравилась – выучили. Старинная, наверно, там карандаш – за три копейки... - Он покосился на кисть, которую художник так и держал в руке. – А вы что – тоже художник?

- Художник... А можно ее – еще раз? Я заплачу, - художник взглянул на шляпу.

- Да пожалуйста, можно и не платить, мы с удовольствием.

И он снова услышал:

«Солдат был как все люди,
Просвеченные рентгеном,
Такой же, как мы с вами,
Только чуть-чуть солдат:
На строгом черепе черном
Черная каска болталась,
А из-за черной ключицы
Черный торчал автомат...»

Художник слушал – и чувствовал, как пустота в его груди разрастается, как там образуется одна большая дыра вместо сердца, вместо всего, что там есть.

«Он рисовал тушью.
А сердце почему-то,
Самое главное - сердце -
Вывел карандашом.
Простым таким карандашиком,
Мягким, за три копейки,
Сердце солдата вывел
И посмотрел на нас...»

«Чтобы стереть резинкой, если придет война...» - вслух повторил художник. И вздохнул – как всхлипнул.

- Спасибо, ребята.

В мастерскую он поднялся пешком. Он теперь боялся туда вернуться. А когда вернулся – понял, чего боялся. Со всех новых картин, со всех этюдов на него смотрела смерть. Художник был реалистом. На войне, на которую он ушел добровольцем, по зову сердца, он видел только смерть. Ничего другого на войне не бывает. Он подумал: война

убила его, стерла его сердце, как резинка стирает карандашный рисунок. Больше никогда он не сможет создать ничего живого.

Он снова вышел на балкон. Барды на той стороне улицы пели уже другие песни, публика смеялась и бросала монеты в шляпу. Жизнь продолжалась. Художник перегнулся через перила.

...Нет, он не бросился с балкона. У него просто остановилось сердце. Оно все-таки не было нарисовано карандашом. Оно было настоящее.

А его посмертную выставку выставком не одобрил. Такой реализм патриотически воспитанному творческому союзу был не нужен.

10.04.2015

ⁱ Песня поэта, писателя, барда Евгения Сельца, ныне живущего в Израиле.